

19 ИЮЛ 1983

1207

Вл. Маяковский

СЕГОДНЯ —
90 ЛЕТ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ПОЭТА
ВЛАДИМИРА
МАЯКОВСКОГО

В ТОТ ДЕНЬ — 19 июля 1983 года — вряд ли кто мог представить, что родившийся на Кавказе в семье лесничего Владимира Маяковского сын Владимир через несколько десятилетий прославится своими стихами на весь мир...

Активный, быстро, не по годам взрослеющий юноша учится в гимназии. «Иду первым. Весь в пятерках. Читаю Жюль Верна. Вообще фантастическое. Какой-то бородач стал во мне обнаруживать способности художника. Учит даром», — вспоминал впоследствии поэт в своей автобиографии «Я сам». Главное же, что все больше занимает в ту пору Маяковского, — это бурные революционные события 1905 года, охватившие всю Россию, включая Кавказ: «Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошел. Хорошо».

В 1906 году после смерти отца семья Маяковских переезжает в Москву. Здесь юный Маяковский встречается с людьми, которые знали, что надо делать для свободы и счастья народа. В 15-летнем возрасте он вступает в партию большевиков. Так начинается революционный путь борьбы Маяковского за социалистическую Россию; тогда же зарождается его страстная устремленность к новому, социалистическому искусству, которое он «хочет делать» сам.

Здесь, в Москве, родились выдающиеся поэмы Маяковского «Облако в штанах» и «Война и мир», проникнутые верой в Человека, освобожденного от оков рабства и нищеты. Они наполнены ощущением неминуемой бли-

зости революционных перемен в России.

В 1914 году, начиная работать над «Облаком...», Маяковский писал: «Чувствую мастерство... Ставлю вопрос о теме. О революционной». Вспомним пророческие строки из этой поэмы: «В терновом венце революций грядет шестнадцатый год».

Уже в «Облаке...» поэт ставит глобальную проблему революционного обновления нравственной, этической, эстетической, социальной природы Человека. Он будет к ней возвращаться вновь и вновь, вплоть до последних своих стихов, до последних дней жизни.

Больше всего поэта тревожит то, что мешает человеку стать Человеком. Маяковский чувствует бездуховность старого мира, где господствует волчий закон ненависти человека к человеку, где одиночество, трагизм бытия, отверженность от общества — удел миллионов униженных и оскорбленных.

Обновление, возрождение души человека — души народа поэт связывает с обновлением мира, революционным его переустройством.

Именно такой поэт с предельной социальной обнаженностью души, поэт, с кнущих лет открыто связавший свою судьбу с передовыми революционными идеями века, мог сказать в октябрьские дни 1917 года — дни крушения старого и рождения нового мира в России: «Моя Революция». Поставить открыто свой талант на службу революции в те дни, когда многие русские интеллигенты мучительно размышляли, «принимать или не принимать революцию», было

гражданским подвигом поэта, высочайшим проявлением гуманистической сути его творчества.

В огне революционной России рождается новый Человек. Он потрясает сердце поэта бескорыстным служением Революции, высоким чувством долга перед Роди-

ной и народом, коммунистической убежденностью, нравственностью, совестливостью и добротой. Он становится главным героем стихов Маяковского. Идя вместе с ним рука об руку по дорогам революционной России, поэт чувствует себя причастным к великим свершениям на его родной земле. И нет для него ничего дороже святого чувства единства со своим народом, своей Отчиной: «Я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз...»

Поэт создает живой, полнокровный, исторически точный и достоверный образ Владимира Ильича Ленина — вождя и человека. Он стремится раскрыть и показать как можно полнее и выразительнее главное в Ленине — его величайший революционный гуманизм, рождающий веру в силу народных масс, в историческую миссию рабочего класса. Так возникает неповторимого таланта лично сам в гуще народа своим живым, наступательным, духоподъемным Словом боролся за ленинское революционное переустройство России.

Лирический герой Маяковского делал Революцию, защищая в огненной буре гражданской войны власть Советов: он был верным сыном партии Ленина, ее надежным и стойким солдатом. Герой Маяковского, как и сам поэт, был великим патриотом и великим интернационалистом; он беззаветно трудился в холод и зной на первых коммунистических субботниках, воздвигал в далеких, необжитых краях заводы-гиганты, способные в «сотню солнц мартенами воспламенить Сибирь»; он протягивал руку бескорыстной братской дружбы народам всего мира и был непримирим к эксплуататорской сути буржуазного общества, к зарождающе-

му в Италии и Германии фашизму. Он совершил свое «открытие Америки», утверждая, что в будущем эта страна миллионеров и небо-скребов «может стать последним вооруженным защитником безнадежного буржуазного дела»; он отвергал любовь, которая продается

и покупается, отвергал «любовь-служанку», мечтал о «любви-громаде»; он был непримиримым к мещанству «без рода и сословия», к власти вещей и денег, к вещизму и бездуховности, которые убивают в человеке человеческое.

В наше время, когда проблемы совести, доброты, душевности обретают в мире все большее значение и остроту, очень важно полнее и зорче «разглядеть» Маяковского как величайшего поэта новой, социалистической лирики. Он здесь — первопроходец мировой поэзии XX века.

Поэт работал на Революцию, Советскую власть, не зная «ни зим, ни лет», сознательно поставив свой талант в «услужение» рабочему классу, большевистской партии. Такова подлинная мера гражданственности великого таланта, прекрасно осознающего, сколь много-

ВЕЛИКИЙ
ВЕЛИКИЙ

руден и новаторски тернистый художественного открытия мира: «Поэзия — вся! — езда в незнаемое... Поэзия — та же добыча радия. В грамм добыча, в год труды. Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

Открыть человека буду-

открыто политике большевиков, революционной борьбе российского пролетариата, что он стал чуть ли не «жертвой» социализма. Предчувствие и здесь не обмануло поэта: именно такова точка зрения некоторых американских советологов.

Свой знаменитый разговор

ПОЭТ ЭПОХИ

щего. Это значит открыть и самого себя, открыть, почувствовать реально это будущее в своей душе. Так рождаются стихи поэта о любви, в которых он выступает как страстный певец и защитник подлинной любви, возвышающей и окрыляющей человека.

Высокое чувство революционного долга, гражданская зрелость, партийность творчества помогали Маяковскому преодолевать неизбежные минуты тревожных раздумий и сомнений на многотрудном пути поэта Революции.

Не слава, не «бронзы многопудье» волнует Маяковского. Нет! С особой силой поэта тревожит мысль, что после его смерти могут объявиться такие толкователи его жизни и стихов, которые будут пытаться «убедить» окружающих, что Маяковский «загубил», дескать, свой талант, подчинив его

спотомками в поэме «Во весь голос» Маяковский завершает стихами, в которых открыто дерзко, афористически емко выражена гражданская сердцевина его поэзии, его наступательный партийный пафос: «Мне наплевать на бронзы многопудье, мне наплевать на мраморную слезь. Сочтемся славою, — ведь мы свои же люди, — пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм».

«Когда мы были молоды, — писал выдающийся чилийский поэт Пабло Неруда, — раздался поразивший нас голос Маяковского. Среди одряхлевших поэтических систем... раздался голос, подобный молоту строителя... Сила, нежность и ярость Маяковского остаются поныне высочайшими образцами нашей поэтической эпохи».

Юрий ПРОКУШЕВ,
писатель.

Я с теми,
кто вышел
строить
и мечь
в сплошной
лихорадке
буден.
Отечество
славлю,
которое есть,
но трижды —
которое будет.

В. МАЯКОВСКИЙ.

«ЭТИМ И ИНТЕРЕСЕН»

СЕГОДНЯ сложно во всех деталях воспроизвести тот день — 2 мая 1922 года, — когда Маяковский впервые приехал в Ригу. Наверное, это будет еще сделано и мы сможем узнать все о двух неделях его пребывания в Риге.

Кто в Латвии тогда знал Маяковского? Левая интеллигенция и революционные рабочие, те, кто всегда интересовался русской поэзией, кто следил за творчеством поэта со времени его футуристического манифеста. Знали активисты Дома рабочих «Арбейтерхейма», которые пригласили Маяковского выступить с докладом о советской поэзии и своими стихами.

Но Маяковского «знала» и рижская полиция. В архивах сохранились фотографии поэта, которые получили агенты полиции накануне его приезда, и еще специальная карточка на него. В ней под седьмым пунктом — «обвинение»: «Работник Комиссариата просвещения, работник представительства Советской России». А газета русских белоэмигрантов «Рижский курьер» забила тогда тревогу: «Недавно в Ригу позволил себе явиться Маяковский (нет смысла повторять эпитеты, адресованные поэту. — М. Ч.), чтобы познакомить Латвию со своей футуристической эротикой и опубликовать книгу, которую конфисковали государственные учреждения, стоящие на страже морали».

Конечно, футуристическая

эротика и «Любовь Диониса» — выдумки, но по поводу конфискации «Рижский курьер» не солгал. В своих воспоминаниях председатель правления «Арбейтерхейма» литератор Макс Шац-Аньин вспоминает длинную процедуру в городской префектуре, которая предшествовала выдаче разрешения на выступление поэта.

Префектура потребовала, чтобы Маяковский явился лично. Первая реакция поэта была мгновенной: «Если я нужен господину префекту, пусть он зайдет ко мне». Но, поддавшись уговорам пригласивших его в Ригу, Маяковский все же пришел. В префектуре поэту сообщили, что вечер с его участием не состоится ввиду официального запрета. Разговор с Дамбекалсом и прочие перипетии его пребывания в Латвии Маяковский сам с документальной точностью воспроизвел во многих своих сатирических произведениях.

На закрытом вечере для членов и гостей «Арбейтерхейма», который все-таки состоялся, Маяковский читал поэму «150 000 000». «Сильный голос, богатая интонация, глубокое волнение, — вспоминает Макс Шац-Аньин, — во всем чувствовалось творческое горение.» Латышский литератор Ю. Типпер, слушавший Маяковского в 20-е годы в Германии, свидетельствует: «Маяковский использует все средства, чтобы продвинуть мысль вперед. Голос неот-

ступен, неизменно силен. ...Таким же сильным голосом... Маяковский язвит, смеется, поет... Но фундамент его поэзии крепок».

«Арбейтерхейм» решил издать вышедшую только в марте поэму «Люблю». Издание было запрещено, но часть книг все же разошлась. «Арбейтерхейм» судился, после чего гораздо большим тиражом вышло второе издание.

Почему меня так интересует эта первая встреча Маяковского с Латвией? Мне, как любому его переводчику, встречающемуся с работами великого русского поэта лицом к лицу, неизмеримо дорог каждый эпизод его жизни.

Сейчас мы не только четко видим феномен русской поэзии первой трети нашего века, но и осознаем его многообразное воздействие на все, с чем сталкивался Маяковский. Легальные публикации представителей левой интеллигенции в 20—30-е годы, оборвавшиеся с переворотом 1934 года, конечно, не могли дать полное представление латышским читателям о многогранности творческого потенциала поэта. Слово Маяковского и в Латвии служило делу борьбы, используемое точно и по существу, но все-таки далекая не с такой силой, которая в нем была действительно заключена.

Интенсивная работа по переводу, начатая в 1940—41 годах, продолжилась после

войны. Выходят работы Маяковского в переводах Яна Плаужа, Павила Вилипа, Валдиса Лукса и других авторов. Однако, на мой взгляд, качественно новый этап в знакомстве Латвии с творчеством Маяковского начался с переводов Ояра Вацietиса, Иманта Зиедониса и, наконец, когда состоялась постановка Петера Петерсона «Мистерия о человеке» на сцене Рижского ТЮЗа, в которой драматические работы Маяковского соединились с его поэзией.

Петерис Петерсонс поставил и пьесы Маяковского, переводчиками которых были Имант Зиедонис, Янис Сирмбардис и сам Петерис Петерсонс.

В противовес высокомерному непониманию, граничающему с классовым отрицанием, которое господствовало в буржуазной эссеистике до сороковых годов, не только латышские революционеры, но и демократически настроенные литераторы чисто интуитивно осознавали сущность крупного и мощного таланта Маяковского. Александр Чак, слушавший поэта в 1923 году, вспоминал: «В Маяковском чувствовалась сила и сдержанность. Лишь позже, в Москве, познакомясь с ним ближе, я понял, что за внешне холодной оболочкой скрывается нежное, честное сердце с суровыми моральными принципами».

«Нежность» — так назвал

свою работу о Маяковском Ояр Вацietис: «Общее понимание Маяковского, доминанта нежности в его стихах требуют анализа, свободного от утилитарных суждений... Чтобы наше время и поколение смогли это сделать, необходима та же нежность, которая у нас, будем честны, дефицитна. И импортировать ее неоткуда. Но, когда она совершенно необходима, возьмем ее у Маяковского».

Петерис Петерсонс предложил мне перевести юношеские стихи Маяковского для постановки «Мистерии о человеке». И эта поэзия захватила меня обилием неожиданных ассоциаций, безжалостным самоанализом. И тут же пришло сомнение: возможно ли передать все это в латышском языке, структура которого столь отлична от строя русского языка. Не мне судить о результатах работы, но точку отсчета в переводах Маяковского я нашел в его собственном отношении к поэзии — в раскованной смелости.

И еще была поэма «Флейта-позвоночник». Я еще сегодня чувствую материал этой поэмы, как будто месил его собственными руками, обжигал на огне своего сердца. Эта поэзия — винт, пружина и стрела одновременно. Этим и интересна, говоря словами Маяковского,

Марис ЧАКЛАИС.